

Дарья Донцова

ПЯТИЗВЕЗДОЧНЫЙ ТЕРЕМОК

Следствие ведет дилетант
Евлампия Романова

ДВУХСОТЫЙ
200
ДЕТЕКТИВ

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Пятизвездочный теремок

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Пятизвездочный теремок / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2018 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

ISBN 978-5-04-091866-9

Кто-кто в теремочке живет?.. Евлампия Романова с дочкой Кисой приехали на каникулы в санаторий «Теремок» и сразу оказались в центре событий. Приключения начались с поездки в мини-зоопарк и посещения русской избы, где их потчевала чаем с пирогами гостеприимная Вероника. Там же Лампа знакомится с Таней, а Киса с ее дочкой Светой. Таня потеряла сережку, Ника ее нашла и вернула хозяйке. Мама с дочкой уехали, и тут начался грандиозный скандал. Богатая гостья санатория обвинила Нику в похищении антикварной серьги с бриллиантами и сапфирами. Лампа по просьбе хозяйек «Теремка» едет к Татьяне за украшением и узнает, что у той похитили сестру, и все дороги ведут... Куда? Правильно! Так кто-кто в теремочке живет?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091866-9

© Донцова Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Донцова

Пятизвездочный теремок

© Донцова Д.А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

«Женщине, которая хочет стать счастливой в браке, надо обладать хорошим здоровьем и плохой памятью».

– Если заболеешь, то не сможешь с мужем в кино пойти, – философствовала Киса, – ему это не понравится, скандал получится. Значит, про здоровье правильно сказано. А про плохую память тетя ошиблась. Она же все забывать начнет, попросят ее дети с уроками помочь, мать кивнет, а потом раз – и все вылетело из головы, продуктов не купит.

Я покосилась на соседний столик, где сидела кудрявая блондинка в зеленом платье, которая только что громко произнесла эту фразу, и пояснила:

– На мой взгляд, она права. Представь, что ты разбила дорогую вазу.

– У нас таких нет, – возразила девочка.

Я изменила условия задачи:

– Ты пошла гулять с Фирой и Мусей, потеряла их...

– Меня одну не отпускают, – опять не согласилась Киса.

– Взяла в гимназию вместо ранца мою сумку и...

– Зачем она мне? – удивилась Киса. – Я не маленькая, не перепутаю.

Я вздохнула.

– Макс может разбить машину?

– Нет, – твердо ответила Киса, – он хорошо водит, всегда осторожно ездит.

– Ах ты, идиот! – завизжал пронзительный дискант. – Косорукий!

Мы с Кисой одновременно повернулись в сторону вопля. Неподалеку от нас стояла маленькая тощенькая женщина, похожая на злую птицу, по ее голубому свитеру стекали красные струйки. Рядом топтался крупный мужчина с чашкой в руке.

– Говорила мне мама, – голосила незнакомка, – не выходи замуж за Кольку. Дурак он. Почему я не послушалась? Стал идиот семь лет назад окно мыть – разбил. На даче в позапрошлом году забор взялся чинить – так повалил. Сейчас сок томатный нес. И где он, а? На мне! Когда мы поженились, ты, болван, часы вешал на стену – грохнул ходики...

– Ну, Люся, – смущенно забубнил супруг, – я не нарочно.

– Кретин! – отрезала баба и выбежала из ресторана.

– Сама коза, – с запозданием отреагировал муж, – ведешь подсчет того, что я не так сделал! А кто тебе шубу купил? Между прочим, из африканской норки!

– В Африке они не живут. Издохлой кошки подарочек, – ответила из коридора его супруга, – ты мне надоел с ней. Один раз приобрел дешевую доху, и сто лет она у тебя показателем твоей любви. Я сносила ее давно.

Муж стиснул зубы и кинулся за женой.

– Вот у них хорошая память, – вздохнула я, – тетка помнит все плохое о муже, а он не может забыть, какой ей подарок преподнес. И ругаются поэтому постоянно. Им бы немного склероза, и зажили бы счастливо.

– Нет, – снова не согласилась Киса, – нужно о плохом не вспоминать, а все хорошее, что тебе другой сделал, помнить.

– Добрый день, – произнес очень приятный голос.

Я обернулась. Рядом с нашим столиком стояла женщина лет тридцати пяти в темно-синем платье, на котором белел бейджик: «Воспитатель».

– Вы госпожа Романова? – уточнила она.

– Да, – подтвердила я.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала незнакомка.

– Простите, вы кто? – осведомилась я.

– Валентина Марковна Горкина, – представилась дама. – Вы записали свою девочку в студию ремесел. Я веду там занятия.

Я подавила вздох. Ну и что натворила Киса?

– В нашем санатории, – завела Валентина, – мамочки и детки получают все необходимое. Мы стараемся обеспечить им максимальный комфорт проживания. У вас удобная комната?

– Вполне, – ответила я.

– Вам не тесно с девочкой в одной спальне? – спросила воспитательница.

– У нас две спальни, гостиная и кабинет, – уточнила я, – номер люкс.

Собеседница расплылась в улыбке.

– Ну тогда жалоб на условия нет.

– Вешалок в шкафу мало, полотенец всего три, подушки жесткие, – деловито перечислила Киса. – Путевка стоит как в пять звезд, а на самом деле здесь уровень трех.

– Экая ты придирчивая, – воскликнула Валентина.

– Я говорю правду, – возразила Киса, – если вы заплатите за полкило сыра, а получите двести граммов, будете улыбаться? Наверное, потребуете отдать то, что не получили. А почему в вашем санатории иначе? У вас на сайте написано, что в люксе телевизор в каждой комнате. А у нас только в гостиной. И...

– Девочка, – остановила Кису Валентина, – поди погуляй!

– Зачем? – спросила Киса.

– Нам с твоей мамой надо поговорить.

– Хорошо, я помолчу, – пообещала Кисуля.

– Наедине, – уточнила Валентина, – без тебя. Ступай. Оставь взрослых.

Я кашлянула.

– Валентина Марковна, Киса останется за столом. Она обедает. Слушаю вас.

– Тема беседы не для детей, – разозлилась воспитательница, – вам нужно объяснить дочке правила поведения.

– Это мой ребенок, – возразила я, – и мое воспитание.

– Наплачетесь вы с ней, – фыркнула Горкина. – Я не хотела доставлять девочке неприятные переживания, но вы сами так решили. Киса сегодня занималась в кружке лепки. Я всегда провожу тестирование детей. Ваш ребенок продемонстрировал интеллект на пять баллов.

– Прекрасно, – обрадовалась я.

– По стобальной системе, – уточнила Валентина.

– Это невозможно, – отрезала я.

– Она у вас элементарного не знает, – заявила Горкина. – Не верите?

– Конечно, нет, – сказала я.

– Удивительно, но матери умственно отсталых отпрысков всегда считают их гениальными, – закатила глаза воспитательница.

Потом она открыла свою сумку, вытащила оттуда муляжи яблока, апельсина, банана и груши, положила их на стол и спросила:

– Это что?

У Кисы вытянулось лицо:

– Вы меня уже спрашивали.

– На занятии, – подтвердила Валентина, – а теперь при матери ответь: что это? Мамаша тебя считает интеллектуалкой. Вот и продемонстрируй нам свой ум.

– Не помню, – расстроилась Киса, – ведь знала! И забыла! Па... ма... ше... как-то так...

– Кисонька, ты что, прикидываешься? – спросила я.

– Нет, – чуть не плача, ответила девочка, – па... маша... па... и им... ц...

Я опешила.

– Ну... убедились? – злорадно спросила Валентина. – Она не могла назвать фрукты!

– Фрукты? – повторила Киса. – Где они?

Воспитательница схватила один муляж:

– Вот.

– Нет, – засмеялась Киса, – это не яблоко! Не фрукт! Это... па... О! Папье-маше! Вспомнила. Яблоко вкусное, сочное, пахнет приятно. А от муляжа воняет клеем, он пачкается, у вас пальцы в краске. Разве вы фрукт держите? Это папье-маше!

Я прикусила губу. У Кисы конкретное мышление, и она права. Сейчас воспитательница положила на стол вовсе не сочное яблоко.

Валентина открыла рот, а Кисуля продолжала:

– Грушу я съем с удовольствием, а то, что вы достали, жевать не стану. И вам не стоит. Отравитесь.

– Кисонька, представь, что это настоящие фрукты, – сдавленным голосом попросила я, – скажи нам громко, как они называются?

– Это даже малыши знают, – засмеялась Киса, – банан, яблоко... Дальше надо?

– Спасибо, милая, – поблагодарила я и посмотрела на Валентину: – Первокласница, которая справедливо говорит, что перед ней имитация из папье-маше, а не настоящие фрукты не может считаться ребенком с неразвитым интеллектом. Она просто забыла слово «папье-маше».

– Зато я хорошо помню, из чего его делают. Старые газеты или другая бумага, клей. Поэтому оно так противно пахнет, – заявила Киса.

– Ребенка надо показать психиатру, – не сдалась Горкина.

– Вас не устраивает правильное объяснение состава папье-маше? – уточнила я.

– Девочке требуется психиатр, – пошла вразнос Валентина, – я не могу оставить ее в кружке. Сумасшедшие агрессивны. На вопрос о родителях девочка сказала, что ее родная мать умерла, она живет у отца, а воспитывает ее лампа, которую Киса очень любит. Бред!

Киса подняла вилку, которой ела салат, и показала на меня:

– Верно. Она Лампа.

– Слышали? – торжествующе осведомилась Горкина. – Вы лампа! Здорово, да? Интересно, какая? Настольная, люстра, торшер? И, как больная, вилкой размахивает! Того и гляди глаза нам выколет!

– Уважаемая госпожа Горкина, – постаралась спокойно говорить я, – мое имя Евлампия, друзья и члены семьи называют меня просто Лампа. Родная мать Кисы, к сожалению, скончалась. Девочка – дочь моего мужа, я ее удочерила. Киса верно объяснила: ее воспитывает Лампа. Не электрическая. Не керосиновая. Не газовая. Просто имя такое. Ваши занятия мой ребенок посещать не станет. До свидания.

– Ну... я не знала... – забубнила Валентина, – побоялась, что сумасшедшая на кого-нибудь накинется... Но раз она с головой дружит, я допускаю ее в кружок. Пусть завтра...

– Валентина, – перебила я Горкину, – Киса к вам больше не придет!

– Занятия бесплатные.

– Спасибо, нет.

– Стоимость обучения азам искусства включена в путевку.

– Спасибо. Нет, – повторила я.

– Ребенок должен посещать центр!

– По какой причине? – изумилась я.

– Вы должны научить девочку ценить деньги. Раз мать их потратила, нужно получить знания.

– Извините, мы хотим пообедать, – отрезала я, – вдвоем.

Валентина встала.

– Из-за таких, как вы, страдают другие постояльцы. Дети должны находиться на огороженной территории центра. Иначе они бегают, орут, мешают нормальным людям отдыхать. От шума и гама у всех мигрень начинается.

Я встала.

– Кисонька, поехали домой. Поедим где-нибудь в ресторане.

Девочка вскочила, мы пошли к двери.

– В люксе поселились, так на всех им, богачам, плевать! – крикнула нам в спину воспитательница. – Детей эгоистами растят. Поплачете, когда она вам стакан воды перед смертью не подаст. Да уж поздно будет слезы лить-то.

Глава 2

Не успели мы войти в номер, как Киса кинулась к холодильнику и вытащила оттуда бутылку минералки.

– Держи, Лампуша.

– Спасибо, пить не хочется, – удивилась я, не понимая, с чего вдруг Киса решила меня напоить.

– Я всегда дам тебе стакан воды, – затараторила девочка, – и вообще все отдам. Хочешь мой пазл из пяти тысяч кусков?

– Ужас! Мне такой ни за что не сложить, – испугалась я.

– Я тебе обязательно с картинкой помогу, – заверила Киса. – Лампа, ты же не умрешь?

Я обняла ее.

– Нет.

– Никогда?

Есть вопросы, на которые не стоит давать честный ответ.

– Буду жить вечно!

Киса ухмыльнулась.

– Правда, воспитательница дура?

– Не надо грубо говорить о людях, – остановила я ее.

– Дурака нельзя называть дураком? – уточнила малышка.

– Нет, – после короткой паузы ответила я, – лучше найти более вежливые слова.

– И как вести себя с Валентиной Марковной? – поинтересовалась Киса. – Что произнести, если хочешь сказать: «Тетя, вы дура»?

Я вздохнула.

– Лучше промолчать, проглотить фразу.

Кисуля постучала себя по груди кулачком:

– А если внутри прямо вулкан кипит! Почему она меня умственно отсталой назвала?

Я опять обняла малышку.

– Думаю, ей надо объяснить так: «К сожалению, Валентина Марковна, вы склонны к поспешным выводам, которые делаете, не имея достаточного количества информации о человеке». В этом случае нет ни злобы, ни раздражения, есть лишь констатация факта.

– Констатация факта? – заморгала Кисуля. – Это что?

Я пустилась в объяснения.

– Если свинью назвать свиньей, а козу – козой, это не оскорбление. Коза и есть коза, свинья есть свинья. А вот когда козу обзывают свиньей...

Я открыла бутылку и стала пить прямо из горлышка. Чем старше становится Киса, тем более сложные вопросы она задает.

– Поняла! – подпрыгнула девочка. – Стол – он стол. Дура – она дура. Назвать дуру душой это не обида, а констатация факта. Точка! Я пошла складывать вещи.

Весело распевая, Кисуля умчалась.

Я выдохнула. Молодец, Лампа, медаль тебе на грудь и денежное вознаграждение в придачу. Отлично объяснила девочке что к чему. Дура – она дура, и если ей это сказать, то не будет обидно. Гениальный вывод. И ведь я сама Кисе так заявила.

На стене пискнул домофон.

– Кто там? – спросила я, глядя на экран.

– Лиза Королева, – ответила молодая женщина, – одна из владелиц санатория. Разрешите войти?

Я нажала на кнопку.

– Простите, пожалуйста, – произнесла Елизавета, входя в номер, – мы с мамой просто в шоке. Валентина Марковна наш новый сотрудник. До нее у нас служила Сонечка, дети ее обожали. Но девушка вышла замуж, уехала в Питер. Горкину мне рекомендовал приятель, и вот какой конфуз получился! Знаю, как она с вами поговорила. Пожалуйста, не прерывайте свой отдых.

Я молча слушала Королеву. Если честно, покидать санаторий мне совсем не хочется. Мужа спешно вызвал клиент, Макс улетел за границу. У Кисы сейчас каникулы, она совершенно свободна. Идея отдохнуть на свежем воздухе показалась мне удачной. Сразу после Нового года я начала подыскивать подходящее место, ничего особенного я не хотела. Искала заведение вблизи Москвы, где можно снять номер из нескольких комнат. Поскольку я сейчас занимаюсь поиском нового жилья для семьи, то намеревалась ездить в столицу, чтобы смотреть варианты. К сожалению, квартиры мечты пока не попало. А к осени хочется переехать. Ареал поисков ограничен одним районом. Киса наконец-то пошла в хорошую школу, нельзя снова переводить девочку. Теперь понимаете, почему я решила найти отель, где есть хорошая программа для детей? Пока Кисуля будет лепить, танцевать, петь, плавать, за ней присмотрят, а я спокойно съезжу в столицу. Киса не из тех детей, которые каждую секунду готовы к подвигам. Но если она останется одна, я вся изнервничаюсь.

Открыв первый раз в поисковике список мест для отдыха в Подмосковье, я увидела массу сообщений и обрадовалась: проблем не будет, вон сколько красивых фото и заманчивых предложений.

Первым делом я обратила внимание на «Розовые закаты». На сайте пансионата указывалось: «Мы находимся на живописном лоне природы. Идеальное сочетание цена – обслуживание. Пятиразовое питание. Прекрасные номера». Я поехала по указанному адресу и увидела трехэтажное здание, похожее на школу, в которой некогда тосковала на уроках я, девочка Романова. Красную кирпичную постройку окружали чахлые деревья. Меж ними стоял столб с табличкой «Лес дружбы. Посажен воспитанниками детского сада «Неунывайка». Я уловила неприятный запах, огляделась и увидела, что неподалеку расположена помойка, над которой поднимался столб дыма. Вы здесь захотите отдохнуть?

Другой пансионат хвастался тем, что он существует с конца девятнадцатого века, в нем прекрасно проводили время члены царской семьи, а после большевистского переворота там жили представители советской элиты. Я опять села за руль, прикатила по указанному адресу и заликовала. Огромный дом с белыми колоннами и впрямь располагался в сосновом бору, воздух был чудесный. Но когда я вошла внутрь... Нет, на сайте не солгали, ну разве что самую малость. Подредактировали дату основания здравницы. На фасаде были выложены мозаикой цифры «1925 г.», здание возвели в середине двадцатых годов прошлого века. И все в нем осталось таким, как в день открытия. Красные ковровые дорожки, бархатные шторы, дубовый паркет, натертый мастикой, фикусы в здоровенных кадках, скрипучие кровати, на которых возлежали стеганные ватные матрасы, огромные трехстворчатые гардеробы. Душевая в конце коридора. Правда, в номере находился индивидуальный туалет: в комнате за ширмой стоял биоунитаз. Я приехала к завтраку и ощутила приступ ностальгии. В столовой раздавали жидкую манную кашу, в центре которой желтела лужица растопленного сливочного масла. И обслуживающий персонал был под стать: семь тетушек в домашних тапках. И их совокупный возраст, на мой взгляд, составлял тысячу лет. Сотрудница, которая водила меня по углам и закоулкам богоугодного заведения, в какой-то момент предалась воспоминаниям:

– Помню, как у нас тут поправлял здоровье Павел Корчагин. Я тогда была старшей по этажу.

Зная, что этого человека не существовало в действительности, он плод фантазии писателя Николая Островского, главный герой книги «Как закалялась сталь», которую рекомендовал читать всем советским школьникам, я едва не рассмеялась. Но посмотрела на буйную

«химию», которая стояла дыбом на голове сопровождающей, на черные ниточки ее бровей и поверила горничной. Она точно видела Павла Корчагина.

Следующим местом, куда я направила свои стопы, была здравница «Бриллиант». Я была восхищена и номером, и ресторанами, и детской программой и уже приготовилась купить путевку, но тут менеджер нежно пропела:

– За десять дней по системе «все включено» с вас всего два миллиона.

Я икнула и уточнила:

– Рублей?

– Конечно, – улыбнулась очаровательная блондинка, – мы не задираем цены, работаем для массового клиента.

Продолжая икать, я побежала к машине, быстро производя в уме расчеты. Получается двести тысяч в сутки. Летом мы всей семьей летали в Париж, сделали Кисе на день рождения подарок: посещение Диснейленда, потом погуляли по столице Франции. Перелет эконом-классом, недорогая, но уютная гостиница, музеи, маленькие ресторанчики, лавочки с одеждой... Мы вернулись, нагруженные покупками, с массой замечательных впечатлений. Киса гордо вышла в Шереметьево из самолета, наряженная в костюм Русалочки, длинный рыбий хвост ей совсем не мешал. Поверьте, поездка нам стоила вменяемых денег. Сейчас на мне чудесный розовый свитер, который я купила в крохотном парижском магазинчике за тридцать евро. Два миллиона за десять дней в Подмосковье? Без комментариев.

Когда я уже отчаялась найти подходящее место отдыха, Алина, секретарь Макса, дала мне наводку: санаторий «Теремок».

– Там здорово, – объяснила она, – мы ездили недавно с Костиком, сын в восторге: бассейн, всякие занятия, еда вкусная и цена не кусается.

Вчера утром мы с Кисой поселились в отличном номере, весело провели день, вкусно поели. Я пребывала в восторге. И, пожалуйста, за обедом встреча с гарпией Горкиной...

Владелица санатория сложила молитвенно руки.

– Не знаю, кем вы работаете...

– Я домашняя хозяйка, – соврала я, – мой супруг бизнесмен. Иногда я ему помогаю.

Лиза продолжила:

– Наверное, из рассказов мужа вы знаете, как трудно найти ценного сотрудника. Мне очень неудобно, что вы пережили неприятные минуты общения с явно больной особой. Она уже уволена.

– Как вы узнали о нашем разговоре? – удивилась я.

– Камеры, – пояснила Елизавета, – они установлены во всех общественных помещениях. В номерах, естественно, их нет. Охрана стала свидетелем безобразного поведения воспитательницы. В нашей практике подобное случилось впервые. Очень вас прошу, не уезжайте.

– Лампа! – закричала Киса. – Вода течет прямо по полу!

Мы с Лизой молча кинулись в глубь номера и увидели, что коридор превратился в бассейн.

Елизавета выхватила из кармана трубку:

– Егор! Срочно во второй люкс. Авария. Возможно, трубу прорвало.

Глава 3

Примерно через час, когда я спустилась в холл, ко мне подошла немолодая, прекрасно сохранившаяся дама в дорогом твидовом костюме и с ниткой жемчуга на шее.

– Евлампия Андреевна, я Маргарита Федоровна Борисова, совладелица санатория. Мне доложили, что вы с дочкой собрались нас покинуть. Можем ли мы как-то изменить ваше решение? Валентине дали расчет, я внесла ее данные в черный список, который составляется хозяевами гостиниц, пансионатов. Заверяю со всей ответственностью: Горкину никто никогда на службу не возьмет.

Я ответила:

– У меня нет желания наказывать воспитательницу. После разговора с Елизаветой, вашим партнером по бизнесу, я хотела остаться. Но случилась авария. Номер залит водой, жить в нем невозможно. Люксов у вас всего три, все заняты. Свободных двухместных номеров тоже нет. Единственное помещение, куда мы можем въехать, – маленькая комната над кухней. Там нет душа, только туалет, очень тесно. Простите, у вас телефон звонит.

Я показала на трубку, она лежала вверх экраном на стойке ресепшен рядом со мной, поэтому я хорошо разглядела написанное латинским шрифтом слово «Dreck»¹. Маргарита схватила айфон и сбросила вызов, но на другом конце провода проявили настойчивость и снова вызвали даму, на этот раз она сердито ответила:

– Слушаю.

Аппарат она держала, не прижав к уху, поэтому я, стоявшая рядом, услышала мужской голос:

– Привет. Кальман беспокоит.

– Поняла, – процедила сквозь зубы хозяйка санатория, – я узнала вас, господин Иванов.

Фамилию свекровь назвала специально для невестки. О том, кем приходится Лиза Королева Маргарите Борисовой, я узнала из разговоров персонала гостиницы. Лиза все это время стояла рядом и закатила глаза.

– Что так официально? – засмеялись из телефона.

– Я на совещании нахожусь.

– Начальница, однако! Деньги пришли не в полном объеме. Половина только.

– Сейчас не могу обсуждать данный вопрос.

– Понял. Если до вечера не найдешь минутки поболтать с верным другом, то извини. Я не угрожаю. Реагирую адекватно ситуации. Покедова.

– Дерьмо, – неожиданно выпалила Лиза, – вот дерьмо!

Свекровь округлила глаза:

– Дорогая, что вынудило тебя столь резко высказаться?

Лиза поняла, что ей не стоило реагировать таким образом. Надо отдать ей должное, она мигом сообразила, как исправить свою оплошность. Королева показала на пятно, которое темнело на бежевом ковре.

– Прошу прощения за неаппетитную речь. Кто-то из постояльцев принес на обуви собачьи фекалии. Я вызову уборщицу, а то их разнесут. Минуточку.

Елизавета схватила листок бумаги, прикрыла пятно, которое больше походило на след от пролитого кофе.

– Давайте пройдем в номер, который для вас приготовили, как для принцессы, – предложила Маргарита.

– Куда? – удивилась я.

¹ В переводе с немецкого Dreck – «грязь», «нечистоты», «дерьмо».

– Пойдем! Пойдем! – запрыгала Киса. – Он далеко?

– Совсем рядом, – сказала дама.

Мы прошли мимо ресепшен, пересекли холл, Борисова открыла дверь, и я увидела длинную галерею со стеклянными стенами.

– Здорово! – восхитилась Киса. – Вроде я на улице, а сама в тапочках.

– Красивый лес, – заметила я, – ели, как в сказке.

Маргарита открыла дверь, в которую уперся коридор. Мы очутились в большом холле, отделанном намного дороже люкса. На полу лежал не ламинат, а настоящий дубовый паркет. Вешалка, встроенное зеркало в бронзовой раме, персидский ковер, люстра – все стоило дорого, но не кричало о деньгах. Прихожую обставлял явно человек с прекрасным вкусом.

– Ну и ну, – восхитилась я, – прямо пятизвездочный теремок.

– А где комната принцессы? – спросила Киса.

Маргарита показала на дверь:

– Тебе туда, дорогая.

Кисуня дернула створку за ручку и закричала:

– О-о-о! Как в Диснейленде! Спальня Микки-Мауса! Розовая кровать! А там что? Ванная! У душа голова Микки! Обои с Русалочкой. Лампа! Давай тут останемся!

– Для вас, Евлампия, приготовлена обычная спальня, – улыбнулась Маргарита, – в другом конце коридора. Киса, ты пока осмотришься, а я покажу помещение.

Когда мы с Борисовой перешагнули порог, я, как и Киса, пришла в восторг.

– Да здесь целая стена с детективами!

– Любите криминальные романы? – улыбнулась хозяйка.

– Обожаю, – призналась я, – вижу здесь книгу Татьяны Поляковой «Время-судья», которую хотела прочитать, но никак не могла купить. Похоже, произведения этого автора пользуются такой популярностью, что издательство не успевает их допечатывать. Но у вас на сайте нет ни слова об этом номере.

– Сомневаюсь, что вы изучали раздел «Только молодоженам», – засмеялась Маргарита.

– Поскольку я давно замужем, то не поинтересовалась предложениями для новобрачных, – ответила я.

– Это помещение обставляется и декорируется по желанию жениха, который, как правило, оплачивает свадебное путешествие, – заговорила Маргарита, – не все пары имеют возможность покинуть Москву на пару недель. Сейчас много беременных девушек под венец идут.

– Беременная девушка, – усмехнулась я.

– Нелепо звучит, – согласилась Маргарита. – Женщины в интересном положении не рискуют далеко от своего врача и клиники улетать. Мы в этом случае наилучший вариант. Здесь уединенно. Никто сюда без вашего разрешения не войдет, даже горничная. Еду принесут любую. Из ванной при этой спальне выход...

Маргарита поманила меня рукой:

– Сюда.

Через пару минут я, стоя на пороге, пробормотала:

– Ну и ну! Сауна, джакузи, личный бассейн...

– Кухня с кофемашиной, холодильником, который заполняется по вашему указанию, – продолжала Борисова, – конечно, это дорого. Но номера забронированы почти на весь год. Сегодня вечером здесь хотела поселиться пара. Счастливые муж с женой намеревались прийти к нам после ужина в ресторане. Но утром заказчик сообщил, что свадьба не состоялась, невеста его бросила. Капризная девушка, несмотря на тридцатилетний возраст, в душе девочка. Поэтому жених задумал декорировать одну комнату, как спальню Микки-Мауса. А вторую он велел оформить в стиле книг Агаты Кристи. И он, и сбежавшая невеста большие любители криминальных романов. Если вы не откажетесь...

– Лампа, давай здесь жить, – завопила Киса, вбегая в комнату.

Голову девочки украшала пластмассовая розовая корона.

Я посмотрела на Маргариту.

– Ребенок счастлив, мне тоже все по душе. Вопрос в цене.

Маргарита сделала резкий жест рукой:

– Ни на копейку больше, чем вы уже заплатили. Мы очень виноваты, сначала вам служащая нахамила, потом люкс водой залило, и вообще мы хотели вернуть деньги и поселить вас тут бесплатно. Но что-то мне подсказывает, что вы не согласитесь. Или я ошибаюсь?

– Нет, вы правы, – кивнула я. – И последний вопрос. Санаторий «Теремок» я выбрала из-за центра, где можно оставить ребенка. Но сейчас воспитателя нет, а...

– Не волнуйтесь, – остановила меня Маргарита, – вскоре примчится Юля, прекрасная женщина. Она всегда Сонечку подменяла, когда та болела. А чтобы вы не скучали, предлагаю вам с Кисой совершить прогулку на санях.

– Лошадка, – завопила девочка. – Ура!

– Розвальни ждут вас у входа, хорошо, что в нынешнем марте еще снега много, – улыбнулась хозяйка, – большой круг по лесу, заезд в контактный зоопарк...

– Там можно потрогать медведя? – обомлела от восторга Киса. – Или тигра?

Маргарита вынула из кармана мобильный.

– Извини, если я тебя разочарую, но нет. Зато там есть кролик Сережа, он любит сидеть на руках, еще коза Наташа, поросенок Шура, шпиц Оля. Со всеми можно сфотографироваться, они обожают угощение. Потом вас в избе напоят чаем с пирогами.

Киса бросилась в холл.

– Алексей, – сказала в трубку хозяйка, – сейчас повезешь Евлампия и девочку. Они мои личные гости. Понял? Молодец.

Глава 4

– Можно еще кусок кулебяки? – попросила Киса.
– Впереди ланч, – напомнила я.
– Пирог с яблоками лучше любого угощения, – улыбнулась молодая женщина. – Правда, Киса?

– Да, тетя Вероника, – согласилась девочка и схватила самый большой ломоть.
– У вас очень мило, – похвалила я, – уютная гостиная.
– Просто чай-кофе и домашняя выпечка, – отмахнулась Вероника. – Леша, кучер, мой муж. В Москве жилье дорогое, своего у нас нет, на зарплату только комнату в коммуналке можем себе позволить. И вдруг нам повезло: Елизавета Михайловна дом предложила с условием, что мы за животными будем следить, экскурсантов угощать. Мы теперь живем в хоромах и счастливы.

– В чужих, – раздался из темного угла дребезжащий голос, – и Алексей тоже не свой! Лицо Вероники приняло несчастное выражение.
– Мама, хочешь чайку?
– Сама эту гадость пей, во рту потом вкус, будто кошки туда нассали, – донеслось в ответ. Вероника покраснела.
– Киса, – тут же сказала я, – если вежливо попросить, Алексей тебя еще разочек покатает.
– Да, да, – обрадовалась Ника, – только оденься потеплее.
– Ура! – завопила девочка и унеслась.
– На редкость шумный ребенок, – прокряхтела, выходя из тьмы, грузная старуха. – Ника, если родишь, живо тебя выгоню, хочу жить спокойно.
– Мамочка, может, пирожка кусочек? – засуетилась Вероника.
– Что у тебя со слухом? – буркнула бабка, которая вначале показалась мне одетой в грязный мешок.

Но, присмотревшись, я поняла: мать Вероники одета в нечто дизайнерское, скорей всего очень дорогое. В ушах у сердитой бабки блестят бриллиантовые серьги, на пальцах сверкают кольца. Тяжелым шагом она приблизилась к столу и опустилась на стул.

– Мамочка, пирожка? – повторила дочь, втягивая голову в плечи.
– Идиотка, – коротко ответила маменька, – даже коза с трех раз поймет: тошнит меня, понос, умираю я. Все из-за тебя, дура.

На глаза Ники навернулись слезы, но она мужественно попыталась их скрыть.
– Кто-то в дверь стучит, пойду посмотрю. Вы тут пока отдыхайте, пирог ешьте!
– Вот кретинка, – вздохнула старуха, когда дочь вышла, – сто раз ей говорила: плохо мне. И пироги купленные! Не сама их лентяйка печет. Отравлены они. Жизнь тяжелая, вдова я. В санатории живете?

– Да, – ответила я.
– Давно приехали?
– Вчера, – уточнила я, хотя мне совсем не хотелось общаться с хамоватой особой.
– Лучше сматывайтесь от Ритки поскорее, – отрубил старуха, – знаете сколько мне лет? Поглядите и отвечайте!

Неприятная собеседница не выглядела юной, но, если далеко не молодая женщина просит определить ее возраст, придется солгать.

– Полагаю, что пятьдесят, – сказала я.
– Меньше, – скривилась бабка, – сорок пять. И кто меня сделал страшнее песен из радио? А?

Я не понимала, как на это реагировать, и продолжала сидеть с глупой улыбкой. Ну, Вероника! Оставила меня наедине с сумасшедшей теткой, убежала. И что мне теперь делать?

– Как тебя зовут? – осведомилась собеседница.

– Евлампия, сокращенно Лампа, – привычно ответила я.

– Анфиса Ивановна Буркина, – в свою очередь представилась женщина. – Дочь моя дура. Я ей велела в медвуз идти. А она! У Ритки служит. С Лизкой дружит. Я Алексея сто раз предупреждала: «Хоть ты и чужой мужик, но уж лучше такой, чем те, кого она всегда находит». Имейте в виду, я Нику к себе в квартиру не пущу. Это мои апартаменты. Потом и кровью мне достались!

– Мама, Евлампия гостя Маргариты Федоровны, – попыталась остановить старуху дочь, входя в комнату.

– Хо-хо, – произнесла Анфиса. – И что? В ее присутствии на голове стоять надо? Из-за кого я тут, а? По какой причине в дерьме живу? А вы, Евлампия, валите из санатория. Там шабаш. Пирог Никин не трогайте, он грязными руками приготовлен. Отлично знаю: в общепите месят тесто, в туалет сбегают, руки не ополоснут и снова суют их в кастрюлю. От чего у меня постоянно понос? Надоели вы мне! Евгения! Принеси молока в мою спальню. Да живо! Что за прислугу отец нанял, все косорукие, кривоногие, тупые. Эй, как там тебя зовут? Катя, Маша, Галя...

Продолжая на все лады возмущаться, злобная баба ушла.

– Простите, – прошептала Ника, – моя мама... она...

– У нее старческая деменция? – предположила я.

– Точно, – кивнула Вероника, – порой она невероятную чушь несет! Невозможную. Потом вдруг начинает разумно говорить, и снова не пойми что. У мамы несколько больных тем. Мы с Лизой познакомились в медвузе, я там некоторое время училась, потом заболела и ушла. А Елизавета в институте встретила Валентина, сына Маргариты Федоровны, они поженились. С Ритой Анфиса давно дружила. Мой отец и брат Маргариты Федоровны в советское время управляли кинотеатром. А после перестройки они выкупили его, сделали там клуб. Опыт у них имелся.

Вероника улыбнулась.

– Папа невероятно умный. Дядя Сеня тоже не промах. Последний сеанс в те годы в девять завершался. И конец веселью. Спокойной ночи, малыши. Но в кинотеатре «Лесной» все только после двадцати трех начиналось. В полдвенадцатого показывали фильмы. Не советские. Феллини, Бергман, Антониони, французские детективы. Не знаю, где отец все доставал. Буфет с шампанским, бутерброды с дефицитной финской сальмой... Публика была богатая: директора магазинов, врачи, творческая интеллигенция, девочки там крутились... До пяти утра гулянка, потом народ расползлся. После перестройки папа и дядя Сеня в Америку рванули. Отец с женой развелся. Мать со мной осталась.

– Анфиса Ивановна представилась мне вдовой, – удивилась я.

Вероника махнула рукой:

– Она после разрыва с папой стала говорить: «Мой супруг – покойник» или «Я вдова». Очень на отца злится, что он в США прекрасно живет, обзавелся бизнесом, семьей, у него трое детей. Маму он конкретно видеть не желает. Дядя Сеня за океаном тоже преуспел, но он холостяк, сестре много помогает. Когда у него в Америке дела в гору пошли, он Рите денег на гостиницу дал. А у нас все под откос покатилося. Мы обеднели, я после болезни в мединститут не вернулась, выучилась на медсестру, работала в клинике. Замуж за Алексея вышла. Жили мы вместе с мамой, у нее всегда непростой характер был. Нам с супругом плохо с ней жилось, а свои апартаменты не купить. Маргарита Федоровна знала о том, что мы мучаемся, и предложила сюда переехать, у нее работать. Вот же счастье выпало! Бесплатное жилье, нехилый

оклад, свежий воздух, общение с разными людьми. Понятно, что мы за этот шанс ухватились. Господи, такая радость! А потом...

Ника махнула рукой.

– У мамы инфаркт случился, едва ее на ноги поставили. И новая напасть. Слабоумие стартовало. Да так быстро! Мать уж не молода...

– Она сказала, что ей сорок пять, – улыбнулась я, – но в это верится с трудом. Вам-то за тридцать. Анфиса Ивановна хорошо выглядит, но все же ей не столько лет, сколько она назвала.

Ника рассмеялась.

– Мать в юности слыла красавицей. За ней многие ухаживали, она привыкла в центре внимания находиться. Когда папа в США улетел, она испугалась, поняла, что стареет. И принялась молодость возвращать, начала всякие косметические процедуры делать. Надеялась, что станет юной. Связалась с каким-то мошенником, он ей чудо-уколы ставил, вытяжку из трав. Он многих надул, мама ему чемоданы валюты отнесла, весь запас на черный день спустила. Вот такая история. Теперь она живет с нами, бросить ее совесть не позволяет, а жить вместе невыносимо. Алеша терпит, молчит, а меня трясет. Домой идти не хочется. Есть заведения, где за такими, как Анфиса, прекрасно ухаживают. Но мы это не потянем финансово. С деньгами у нас плохо. Спасибо, что бесплатно здесь живем и зарплату получаем. Вот у Маргариты с Лизой все иначе сложилось, теперь они на коне. Им дядя Сеня пару миллионов дал. Не рублей. У него в Америке крутой бизнес.

– У свекрови с невесткой редко возникает близость, – поддержала я разговор.

– Елизавета очень мужа любила, – пояснила Вероника, – а Рита ей ближе матери. Вот как бывает. Родные люди друг друга терпеть не могут, а чужие вместе счастливы.

– Встречайте гостей, – крикнул из прихожей Алексей, – мы с Кисой привезли Свету с мамой. Они тоже покататься решили.

– Нам дадут чаю? – спросил за дверью незнакомый детский голосок.

– Конечно, тут пирог вкусный, – ответила Киса.

Глава 5

Через полчаса обе девочки, оказавшиеся одногодками, пошли с Алексеем смотреть на кроликов. Вероника стала собирать посуду, я решила ей помочь, мы ушли на кухню. Татьяна, мать Светланы, осталась в комнате одна, она сидела в кресле.

Я поставила тарелку из-под пирога в мойку, вернулась в гостиную, чтобы забрать чашки, и увидела, как Таня, стоя на коленях, ощупывает ковер.

– Вы что-то потеряли? – спросила я.

Татьяна вздрогнула.

– Серьга выпала!

– Вот жалость! – расстроилась я и опустилась рядом с ней на корточки. – Как она выглядит?

– Обычно, как все, – после короткой паузы сообщила Татьяна.

– Серьги у всех разные, – улыбнулась я, внимательно всматриваясь в палас. – Пусета?

– Ну... вроде того.

– С камнем?

– Да.

– Большим?

– Э... не очень...

Разговор я вела только из вежливости, понимала, если наткнусь на украшение, сразу его увижу. Но, согласитесь, неудобно в полной тишине ползать по ковру. Чтобы избежать неловкого молчания, я сказала:

– Сама недавно посеяла браслет.

– Очень жалко, – буркнула Таня.

– Расстегнулся случайно.

– А-а...

– И упал, – болтала я, – так и не нашелся.

Татьяна проигнорировала мои слова, я решила более не помогать ей, встала, сделала несколько шагов, споткнулась обо что-то под ковром, шлепнулась на четвереньки и воскликнула:

– Кольцо!

– Где? – спросила Таня.

– Не серьга, – засмеялась я.

– Где кольцо? – нервно повторила гостья.

Я постучала ладонью по ковру:

– Там. Но это не украшение. Вероятно, в полу есть люк, который ведет в подвал.

– Не может быть, – вдруг протянула Татьяна.

– Почему? – спросила я. – Дом деревенский, в них часто обустроены подполы.

– Почему вы сидите на паласе? – удивилась Вероника, материализуясь в гостиной. – Вставайте, простудитесь. По ногам у нас холодом зимой тянет, пол не подогревается. Спасибо Маргарите, большой ковер нам постелила. Она прямо ангел.

– Мы с Евлампией поспорили, – зачирикала Таня, – она утверждает, что у вас есть подпол. А я думаю: его нет!

– Изба не наша, – пустилась в объяснения Ника, – мы просто живем тут. Маргарита Федоровна просила ничего в интерьере не менять, не переставлять. Но здесь подпола нет. Точно.

– Ага! Я говорила! – торжествуя заметила Татьяна и вытянула руку: – Где конфетка, которую я в споре выиграла?

Я поддержала шутку, взяла со стола ириску и подала ей.

– Вот она. Если я проспорила, никогда не зажуливаю бакшиш. Но в полу есть кольцо.

– Верно, – согласилась Вероника, – одну половицу можно поднять, я один раз это сделала. Угадайте, что увидела? Железную коробку из-под печенья. Старую-престарую.

– Деревенский сейф, – усмехнулась Таня, – селяне смешные. Моя бабушка хранила деньги в пакете из-под молока, держала его в шкафу. Всем, кто заглядывал в гости, она сообщала: «Если я внезапно умру, деньги на похороны найдете на полке, где белье». Весь народ знал, где баба Тоня заначку держит. А у соседа деда Прохора тоже половица одна поднималась, и что там было? Жестянка из-под кофе, а в ней нычка. Вы бы убрали кольцо. Евлампия о него споткнулась.

– Маргарита Федоровна велела ничего не трогать, – терпеливо повторила Вероника, – да и ковер к полу прибили после того, как одна гостья за его край зацепилась, упала и нос разбила.

– Палас на гвоздях, – рассмеялась Таня, – забавно.

– Впервые слышу, что напольное покрытие приколачивают, – поразилась я.

Вероника развела руками:

– Это не мной придумано. Маргарита велела.

– У вас есть лупа? – поинтересовалась я.

– Где-то лежит. А зачем она вам? – спросила хозяйка избы.

– Таня одну серьгу потеряла, – сообщила я.

– Какую? – опять спросила Ника.

– Левую, – ответила гостья.

– Я имела в виду, как она выглядит, – улыбнулась Вероника.

– Ну, самая обычная, – ушла от прямого ответа Татьяна, – простенькая, золотая, колечком.

– Нашли? – спросила хозяйка.

– Нет, – вздохнула я, – наверное, отскочила куда-то. Таня, вы мне сказали, что это была пусета. Так колечко или «гвоздик»?

У Татьяны забегали глаза.

– Ну... э... сложно описать... симпатичная сережка... обычная.

Вероника стала ходить по комнате и всматриваться в пол.

– Не ищите, – сказала Таня, – фиг с ней. Не стоит такая ерунда вашего внимания. Красивый дом! Давно в нем живете?

– Не очень, – ответила Вероника, – это рабочая квартира. Маргарита Федоровна ее нам как сотрудникам предоставила. О! Вот ваша потеря! Под мебель залетела.

Я посмотрела на Нику, которая наклонилась около буфета. Она выпрямилась, на ее раскрытой ладони лежала серьга. В оправе сверкал бриллиант, вокруг него россыпь темно-синих камней, возможно – сапфиров. Изделие казалось дорогим, и его никак нельзя было назвать пусетой.

– Слава богу! – обрадовалась Ника.

– Можно взглянуть? – спросила я.

Вероника протянула мне украшение.

– Я страшно переживаю, когда у гостей что-то пропадает. Вчера у одной дамы рукавички запропастились, не дешевые, из норки. Лешик все сани перетряс, я тут обыск устроила. Ничего! До сих пор мне не по себе. Посетительница не злилась, не ругалась, спокойно ушла, сказала в дверях: «Ерундовая потеря, но неприятно».

– А уж мне как неприятно! Наверное, она решила, что я утащила у нее варежки.

– Чужое прихватить ты любишь, – сказала Анфиса Ивановна, входя в комнату, – в первом классе сперла у соседки по парте ластик и съела его!

– Было дело, – натужно рассмеялась Вероника, – ластик вкусно пах, как конфета. Мне захотелось ее попробовать.

– И как? – поинтересовалась я.

– Не впечатлило, – призналась Ника.

– Со мной точь-в-точь такое же приключение когда-то случилось, – развеселилась я. – Съеденный ластик. Ой, что потом произошло! Соседка по парте пожаловалась своей маме, та позвонила моим родителям: «Караул! Ваша девочка отравилась! Она сгрызла ластик! Грязный! Ужас! Скорей везите ее в больницу!» А у меня, как назло, архитревожная мамочка была, я в июне в валенках ходила, чтобы не простудиться. Через час в нашем доме были четыре профессора! Прописали мне касторку. В детстве все дети друг у друга всякую ерунду без спроса берут.

– И чужие бутерброды откусывают, – дополнила Таня, – у нас такой мальчик в классе был. Вытащу я печеньку, положу на парту, отвернусь... бац! Половина осталась, а Петька, жуя, удирает.

– Если кто-то в детстве чужой ластик украдет, тот потом вором точно станет! – отрезала Анфиса Ивановна. – Как моя дочь. Зачем ты, дрянь, у гостыи кольцо с пальца стянула? Сейчас полицию вызовут!

Вероника стояла молча, мне стало ее невыносимо жалко, поэтому я сказала:

– Это серьга! Никто ее не крал, сама из уха выпала. Спасибо, Ника, что нашла. Таня, забирайте!

Я протянула ей серьгу.

После небольшой паузы гостыя аккуратно взяла украшение. Я ждала, что она вденет сережку в ухо, но Татьяна почему-то не торопилась, просто сжала ее в кулаке. И тут в комнату вошел Алексей.

– Назад поедете? Или еще чайку попьете? Мне надо через десять минут в санатории двух человек забрать.

– Мы домой, – решила я.

Глава 6

Киса была очень довольна прогулкой, она долго рассказывала про животных, радовалась, что Алексей разрешил покормить лошадок яблоками. Приехав в санаторий, мы пошли обедать, просидели за столом около часа, потом к нам подошла милая женщина и представилась:

– Меня зовут Юля, я временно замещаю воспитателя. Киса, хотите научиться делать фигурки зверей из фруктов? Или вам более по душе кукольный театр? Сейчас занятия начинаются, педагоги уже здесь. Можно еще рисовать, лепить из соленого теста.

У девочки загорелись глаза.

– Мне все нравится!

– Чудесно, – обрадовалась Юлия, – займетесь каждым делом по очереди. Вы разрешаете? Последние слова адресовались мне.

– Конечно, – ответила я, – скажите, когда центр заканчивает работу?

– Работает до последнего клиента, – улыбнулась Юлия, – если хотите уехать, не волнуйтесь. Кисонька будет под надежным присмотром. Полдник, ужин – все получит. У нас есть спальня. Иногда гостю необходимо ночью куда-то отправиться, ребенок остается с нянями на первом этаже.

– Надеюсь быстро управиться, мне надо посмотреть квартиру, – объяснила я, – мы меняем жилье.

– Господь вам в помощь, – пожелала Юлия, – от души сочувствую, переезд хуже потопа. Не торопитесь, запишите мой мобильный, звоните сколько хотите. Отправлю вам на ватсап видео, как Кисонька занимается. Ну, ангел мой, куда пойдем сначала?

– Из фруктов мастерить, – решила Киса. – А из каких?

– Яблоки, груши, виноград, бананы, – перечислила воспитатель.

Весело переговариваясь, Юлия и девочка удалились. Я поднялась в номер, взяла куртку, спустилась на первый этаж и очутилась в центре шумного скандала.

– Воры! – бушевала около стойки ресепшен дама в длинной дорогой шубе. – Пусть она объяснит, где моя серьга? А?

– Уважаемая Диана, – начала Маргарита Федоровна, – возможно...

Гостья с такой силой шлепнула ладонью по стойке, что на пол упала коробка с визитными карточками санатория. Вероника, которая стояла за спиной хозяйки, присела и начала собирать рассыпанные визитки.

– Знаю, какие вы песни исполните, – заорала гостья, – дескать, я сама хороша. Потеряла украшение где-то! Нет! Нет!! Нет!!! Был случай, когда я лишилась браслета, он зацепился за рукав пальто. Сбросила его, не заметила, что там ювелирка, сдала в гардероб. И все. Ищи-свищи. После того происшествия, где-либо раздеваясь, я всегда... Подчеркиваю, все-гда! Всякий раз! Трогаю уши, шею, запястья. Научена горьким опытом. Когда в мерзкой грязной избе шубку на вешалку пристроила, вошла в комнату, обе серьги висели в мочках! Обе! А вот перед уходом я не проверила наличие украшений. Вернулась в номер. И нет серьги!!!

Дама показала на Веронику пальцем:

– Она ее украла!

Потом скандалистка повернула голову и заложила за ухо прядь.

– Видите? Одна! Вторая в сарае выпала.

– Зачем вы в дровник ходили? – удивилась Лиза, которая успела подойти к ресепшен. – Вход в него из сеней избы, но туда никто из гостей не заглядывает. И заперт он. Там грабли, поленья и всякая ерунда хранится.

– Ах, простите, – начала ерничать гостья, – не так обозвала грязное жилье, где мне подали омерзительное пойло, назвав его кофе. Сруб! Пятистенка! Сортир! Ужас! Ваша воровка после моего ухода точно нашла драгоценность! И не отдала!

– Зачем ей одна сережка? – попыталась воззвать к логике дамы Елизавета.

– Ха! – выкрикнула скандалистка. – Вторая у меня не выпала. Вместе они более миллиона евро стоят. Не верите? У меня документ есть! На аукционе мне их муж купил. Исторические серьги, им несколько сотен лет. Но и одна неплохая добыча! Камни такой чистоты, какой нынче нет! Она продаст ее ювелиру! Верните драгоценность немедленно.

– Мы разберемся, – пообещала Лиза, – непременно.

Гостья поджала губы.

– Я уезжаю завтра после обеда. Если к этому времени не получу потерю назад, вас ждут ну очень большие неприятности. Мой сын известный певец, муж бизнесмен. По всем соцсетям сообщу: не подходите к санаторию «Теремок», там воруют! Нагло! Обчищают номера клиентов! Крадут их вещи!

– Ника? Что случилось? – спросила Лиза, когда дама, гневно сопя, ушла.

Вероника заплакала.

– У меня нет сил. Устала. Очень.

– Вот только этого нам не хватало, – рассердилась Маргарита и открыла дверь в стене, – а ну, живо в офис.

– Не могу идти, – прошептала Ника, – ног не чувствую. Падаю.

Я подхватила жену Алексея.

– Ей плохо. Вся бледная... Позовите врача.

Лиза схватила трубку.

– Давайте уведем ее с посторонних глаз, – предложила Маргарита.

Мы с Борисовой взяли дрожащую Нику под руки, отвели ее в небольшую комнату и уложили на диван. Я быстро рассказала Маргарите историю с серьгой, появился врач, начал мерить больной давление.

– Сережку забрала Татьяна? – уточнила Борисова.

– Да, – подтвердила я, – она сказала, что потеряла украшение. Мы стали его искать, ползали по ковру. Я встала, споткнулась о кольцо, которое торчало из пола, шлепнулась. Пришла Вероника, она подключилась к нам, обнаружила под буфетом сережку. Я взяла ее, чтобы посмотреть, потом отдала украшение Тане, а та его в кулаке зажала. Странно.

– Ну и люди встречаются! – всплеснула руками Рита. – Оценила вещь по достоинству и поживилась.

– Давление у нее поднялось, – сказал врач, – сейчас укол сделаю.

Ника заплакала:

– Я умираю!

– Нет, – успокоил ее эскулап, – вы просто понервничали. Завтра снова огурцом станете. А у вас на что-то аллергия?

– У кого? – не поняла Рита.

– У дамы в джинсах и синем свитере с оленями, – уточнил доктор.

– У меня? – удивилась я. – Не страдаю золотухой.

И в эту минуту у меня отчаянно зачесался нос, я потерла его ладонью.

– Зуд! – констатировал медик. – Покраснение. Купите в аптеке мазь. Возможно, это реакция на холод.

– Никогда не страдала ею, – возразила я.

– Все когда-то случается впервые, – философски заметил врач, – пусть Вероника полежит минут десять.

Мы оставили женщину в комнате и вышли к ресепшен.

– Что делать? – запаниковала Рита. – Диана Семеновна Молотова может много неприятностей нам доставить.

– Да уж, – согласилась Лиза, – у ее сына-певца несколько миллионов поклонников в инстаграме. Ужас! Он нас обвинит в воровстве! Антипиар устроит.

– Успокойся, – остановила невестку Маргарита, – все будет хорошо.

– Надо поехать к Татьяне, забрать у нее серьгу и вернуть разгневанной клиентке, – предложила я.

– Точно! – обрадовалась Лиза.

– Отличная идея, – похвалила Маргарита. – Ангелина!

– Я тут! – отозвался девичий голос. – Слушаю вас внимательно.

– Сегодня утром Татьяна с дочкой Светой нанимали Алексея, – сказала Маргарита, – на санях кататься. Узнай адрес гостя, телефон, емейл. Все, что есть.

– Ничего нет, – ответила администратор.

– Почему? – изумилась хозяйка. – Они в каком номере жили?

– Они не заезжали, – уточнила портье, – подошли ко мне, мать спросила: «Нам сказали, что здесь работает контактный зоопарк и можно на санях покататься. Но мы не постояльцы». Я ответила: «Пожалуйста. Сейчас кучера вызову. В стоимость прогулки входит чай с пирогами и сладостями. Оплачивайте прогулку, и нет проблем. Если пожелаете, можете потом у нас оформить дневную путевку, без ночлега, купания в бассейне...»

– Остановись, – скомандовала начальница. – Ты им квитанцию выписывала?

– Конечно.

– Назови фамилию.

– Она ее не назвала, велела: «Напишите «Татьяна». Мне бумажка без надобности».

Маргарита поморщилась и посмотрела на Лизу.

– Найти в Москве женщину по одному только имени Татьяна невозможно. Лампа, вы с ней долго беседовали?

– Обменялись парой фраз, адрес свой она не называла, – разочаровала я Борисову.

– Тупик, – подвела итог Лиза, – Диана нас на фарш пустит. Безвыходное положение. Мы ее чертову серьгу не сможем оплатить. Сомнительно, правда, что украшение стоит столько, сколько хозяйка озвучила. Хотя... шуба-то у нее из снежного барса, а он внесен в Красную книгу. В суд баба не подаст, ума хватит понять: это дело ей не выиграть. Никто ее брюлики не крал, сама потеряла. Да и не нужен ей процесс, она «Теремок» с помощью соцсетей уничтожит через аккаунт своего сына-певца.

– Никогда не надо отчаиваться, – остановила я Королеву.

– Ну да, в особенности когда неприятности дождем льются, – фыркнула та. – Может, у вас есть идея, как найти в многомиллионном мегаполисе Таню, не зная ни ее фамилии, ни адреса?

Я вынула телефон.

– Кисуля, как ты там?

– Сделала из яблока гусеницу, – отчиталась девочка.

– Заинька, мы сегодня познакомились с тетей Таней и девочкой Светой. Помнишь?

Киса засмеялась.

– Да. Света веселая. Я ей свой адрес в инстаграме дала.

– У тебя есть аккаунт в Интернете? – ахнула я.

– Почему нет? – удивилась Кисуля. – Весь наш класс там тусуется!

Вот так случайным образом узнаешь порой интересные сведения о своем ребенке.

– Кисонька, а телефон Светы ты случайно не узнала?

– Не-а. Только адрес в инстаграме.

– Можешь спросить у девочки, где она живет?

– И так знаю, она мне рассказала после того, как услышала, что ты Романова.

– При чем тут моя фамилия? – удивилась я.

– Света сказала, что тебя странно зовут, – начала объяснять Киса, – Лампа. Я похвасталась: «Зато у нее фамилия красивая. Романова». Она ответила, что у них была соседка Романова. Раньше они в одном месте жили, а потом переехали в квартиру на Оленьей улице. Оленей там нет. Дом сорок, квартира сорок, и рядом магазин «Сорок мелочей». А фамилия их Утятин. Правда, смешно? Мы посмеялись, подружались, и теперь она в моем инстаграме сороковая подписчица. Это судьба!

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила я и положила трубку в карман. – Девочка Света сообщила Кисе все свои данные.

Лиза молитвенно сложила руки.

– Дорогая Евлампия! Огромная просьба! Мы не возьмем с вас ни копейки за проживание, за все посещения СПА и вообще за любые услуги. Можете съездить к Татьяне и попросить ее отдать серьгу?

– В принципе да, но вы можете сами поговорить с ней, – ответила я.

– Мы не видели, как она забрала серьгу, – резонно сказала Лиза, – а вы свидетель. Пожалуйста. Все за наш счет. Далеко ехать-то?

– Оленья улица, – пояснила я, – дом сорок, квартира сорок, Татьяна Утятин. Кисе показалось смешным, что Утятин живут на Оленьей улице.

– Утятин? – воскликнула Лиза. – Утятин! Это же...

Она замолчала.

– Вы ее знаете? – удивилась я.

– Нет, – ответила вместо невестки свекровь, – впервые эту фамилию слышу.

– У меня была одноклассница, – пояснила Елизавета, – но она Утенкина. На секунду я подумала: вдруг это она? Потом сообразила: Утятин – Утенкина. Похоже, но не одно и то же.

– Мы с тобой совершили неопишемую бестактность, – разволновалась Маргарита, – не знаю, что нам в голову ударило, когда мы стали упрашивать госпожу Романову забрать серьгу. Евлампия, простите. Все из-за нашей глупости. И от нервов.

– Да, да, – кивнула Лиза, – это моя вина. Отдыхайте спокойно. Простите, пожалуйста. Маргарита тут ни при чем. Это я хамка! Дурно воспитанная особа! Решила вас щекотливым делом нагрузить.

– Мне совсем не трудно вас выручить, – возразила я, – и я очень сочувствую Нике. Конечно, вы знаете ее мать?

– Анфиса Ивановна больна, – уточнила Маргарита.

– Да у нее всегда злости через край было, – вмешалась Лиза. – За время моего знакомства с Никой я ни разу старуху улыбающейся не видела.

– Лиза, – укоризненно произнесла Маргарита, – это не наше дело.

– Молчу, – сказала невестка.

– И не зови Фису старухой, – попросила Маргарита.

– Почему? – пожала плечами Лиза. – Она египетская мумия.

– Тогда я скелет птеродактиля, – с самым серьезным видом заметила Рита, – потому что на год старше матери Ники.

Лиза ойкнула, Маргарита засмеялась, а я сказала:

– Все равно я в город собралась. Заодно на Оленью улицу зарулю. Вы правильно заметили: я видела, как Татьяна сережку взяла. Мне она не заявит: «Я ничего не брала».

Глава 7

– Как вы меня нашли? – поразилась Татьяна, открыв дверь.
– Где серьга? – прямо с порога спросила я. – Чужая, которую вы украли. Верните ее немедленно.

– Не занимаюсь воровством, – возмутилась Татьяна.

– Простите, я не так выразилась. Просто вы взяли то, что вам никогда не принадлежало, – рассердилась я. – Серьга очень дорогая. Ее хозяйка в гостинице закатила скандал, у владельцев «Теремка» огромные неприятности.

Татьяна молчала. Я прислонилась к стене.

– Возможно, у вас финансовые проблемы, эта красивая квартира взята в ипотеку, вы надеетесь продать украшение и вылезти из долгов. Предположим, ваш план удастся. Но на чужом горе счастья не построишь. Диана Семеновна, которой принадлежит сережка, очень расстроена, обещала разорить «Теремок». Хозяева его напуганы. А хуже всего придется Веронике, ее выгонят с работы, выставят в буквальном смысле слова на улицу. Им с мужем жить негде, дом служебный.

– Я не воровка, – стояла на своем Таня.

– Но серьгу взяли, – гнула я свое, – я прекрасно видела, как вы положили ее в сумочку, не вдели в ухо. Помнится, я еще удивилась, почему вы не вернули дорогую вещь на место. Вы случайно не ювелир? Похоже, вмиг по достоинству оценили находку и живо ее к рукам прибрали.

– Со мной всегда так, – грустно заметила Татьяна, – совру по-глупому, и такое из-за моей лжи замутится. Не собиралась брать украшение. У меня и дырок в мочках нет.

Таня подняла длинную прядь волос, падавшую ей на плечи.

– Видите? Бабушка не разрешила в детстве уши проколоть, а когда я выросла, уже сама расхотела.

– Вот почему вы говорили про пусеты, потом про обычные сережки, то они с камнем, то кольцами, – пробормотала я. – Не догадалась попросить вас посмотреть на оставшееся у вас в ухе украшение. А зря. Зачем глупо фантазировать?

– Вы поймали меня, когда я на ковре шарил, – чуть слышно сказала Таня. – Пришлось как-то объяснять, что я ищу. Ну и ступила я по полной программе. Зря вошла в избу, когда там другие люди находились. Но как еще туда попасть? Самый подходящий момент был. У Светы каникулы. Поехать без девочки? Одной? В гостинице удивятся, с чего это вдруг взрослая тетка на лошадках катается. А с ребенком никаких вопросов не возникло, все ясно: мать дочку балует, потом они чаю заехали попить. Я обрадовалась, когда вашу девочку в санках заметила, подумала: здорово, малышки во дворе побегают, а я поищу. Не сообразила, что в доме кто-то из родителей школьницы будет и служители вдобавок. Я дура ужасная. Когда план составляла, он мне удачным показался. И что получилось?

– Что вы искали в комнате? – спросила я.

– Вход в тюрьму, – прошептала хозяйка квартиры.

– Куда? – опешила я.

Таня заплакала, схватила шарф с полки у зеркала, закрыла им лицо и села прямо на зимние сапоги, которые стояли у стены.

Я нагнулась.

– Танюша! Перестаньте, все хорошо. Я отвезу украшение Диане Семеновне, никого шума не будет, ни одна душа не узнает, что вы брали сережку.

Татьяна высморкалась прямо в шарф.

– Не собиралась я ничего красть. Но как поступить, когда Вероника украшение нашла, а вы его мне протянули? Глупая ситуация. Признаться, что я соврала, ничего не теряла? Так меня выгонят и больше не пустят. Потому я и взяла серьгу. Ужасно себя чувствовала. Ну почему я вечно в неприятности вляпываюсь? Если иду красивая по улице, непременно споткнусь и в лужу упаду. Это только со мной бывает.

Я погладила Таню по плечу.

– Ну нет. Нас уже двое. Я тоже мастер художественного попадания в неприятности. Почему вы решили, что в доме Вероники есть вход в какой-то каземат?

Татьяна постучала себя пальцем по лбу.

– Логическое мышление.

– А-а-а-а, – протянула я.

– Никто не ищет Хухрика, – прошептала она, – все уверены, что сестра умерла. Но я не чувствую, что ее нет. Когда мне исполнилось двенадцать лет, Хухрик пропала. Ее искать пошли, но не обнаружили. Я плакала навзрыд, потом спать легла. И увидела ночью водонапорную башню, рядом яму, в ней Хухрик замерзает, босиком там сидит.

Таня вытерла лицо шарфом.

– Я разбудила маму, она отмахнулась: «Спи, завтра еще поищем». Я настаивала, говорила: «Хухрик погибнет, она без обуви, ей плохо, она простудится!» Мама рассердилась: «Прекрати чушь нести! Нашлась тут экстрасенс. Дай мне отдохнуть. В кои-то веки из города в деревню приехала, и покоя нет». Я взяла фонарь, положила в рюкзак бутылку воды, булку, плед, вылезла в окно и пошла к водокачке. Три километра по лесу. Ночью. Одна. Чуть от страха не умерла. Сто раз хотела вернуться. Но только остановлюсь, слышу голос Хухрика: «Мымрик, скорей». Мы так друг друга называем – Мымрик и Хухрик. Добрела до башни, начала кричать: «Ау! Ты где?» В ответ голос: «Здесь, здесь!» Я нашла сестричку! В яме. Не обманул меня сон. Как я ее вытаскивала, отдельная история. И когда клиент Хухрика...

Таня замолчала. Я протянула ей руку:

– Вставайте. Я пить хочу. Налейте мне чаю?

Хозяйка поднялась.

Мы пошли на кухню.

– Где Светлана? – поинтересовалась я, когда Таня усадила меня за стол.

– Пошла в гости к однокласснице, – объяснила хозяйка, – на седьмой этаж. Она не знает, что ее мама исчезла!

– Так вы не мать девочки, – заметила я, взяв чашку.

– Тетя, – объяснила Таня, – но Света на моих руках с рождения. Хухрик балерина, она постоянно находится в разъездах.

– Как ее зовут по имени? – спросила я.

– Галя, – вздохнула хозяйка, – но ей это имя никогда не нравилось. Она жива, точно жива. Я чувствую: Ларису убили, а Хухрика нет. Полиции лень ее искать, в отделении мне прямо сказали: «Женщина! Не майтесь дурью. Ваша сестра совершеннолетняя. Имеет право уехать куда и с кем хочет. Не два года ей. Может, ее клиент...»

Таня опустила голову.

– Клиент, – повторила я, – балерины рано заканчивают карьеру. Галя пошла работать в сферу обслуживания? Стала стилистом? Мастером по маникюру?

Татьяна молчала. Я открыла сумочку, вынула рабочее удостоверение и показала его собеседнице.

Та затряслась:

– Боже! Полиция! Простите, не хотела ваших коллег задеть. Обидеть.

– Все в порядке, – остановила я Утятину, – я служу в частном детективном агентстве. Им владеет мой муж. Я у него на подхвате. Объясните внятно, что случилось? Вдруг мы сможем вам помочь?

Татьяна опустила взгляд.

– Спасибо за предложение. Сама справлюсь.

– У вас это хорошо получается, – не удержалась я от иронии. – Кстати, сегодня Всемирный день бесплатного обслуживания клиентов детективных агентств. Я не ищу работу. Просто протягиваю вам руку помощи.

Татьяна приоткрыла рот:

– Правда?

– Конечно, – заверила я, – рассказывайте. Но честно. Уже понятно, что Галина не исполнила партию Одетты в «Лебедином озере», не служила в Большом театре.

Таня отвернулась к окну.

– Нет. Она... сестра моя... маленькая очень...

– На сколько лет вы ее старше? – уточнила я.

– На два, – ответила моя собеседница, – только наоборот. Хухрик родилась первой. Но по характеру она ребенок. Наивный. Верит всем.

– Давайте по порядку, – попросила я. – Что случилось?

Татьяна кивнула и начала рассказ.

Елена Утятина, заведующая аптекой, никогда не выходила замуж. Но отсутствие штампа в паспорте не помешало ей родить Галю, а через два года и Таню. Красивая яркая Елена пользовалась успехом у мужчин, жила в крохотной однокомнатной квартирке и, став матерью, не собиралась менять свой образ жизни. Галю она в два месяца отвезла в деревню к своей матери, Ксении Владимировне, и забыла про ребенка. А потом в село Коровинки отправилась и Таня.

Баба Ксюша безропотно, как умела, воспитывала девочек. Кормила их, поила, одевала, обувала. Несмотря на тяжелый крестьянский труд, а может, благодаря ему, пенсионерка сохранила стройную фигуру и выглядела намного моложе паспортного возраста. Скучать ей было некогда: две коровы, коза, куры, поросята, индейки, огород... Только успевай крутиться. Внучки с малолетства помогали бабе Ксюше. К восьми годам они не чурались никакой работы. Собирали колорадских жуков с ботвы картошки, доили коров, кормили поросят, умели управлять лошадью, ловко возили от колодца полную сорокалитровую баклажку воды, стирали белье, гладили... Вот в школе сестрички не считались хорошистками, в дневниках у обеих стояли сплошные тройки. Отставали малышки не по глупости или лени, у них элементарно не хватало времени на приготовление домашних заданий. Только сядут за уроки, баба Ксюша кричит:

– Эй, бездельницы, хорошо устроились? Мягко вам на стульях? Ну-ка займитесь делом. Половики потрясите, картошку в погребе переберите.

Когда Гале исполнилось пятнадцать, Ксения Владимировна вышла замуж за вдовца, который несколько лет подряд снимал у нее на лето полдома. Павел Васильевич, полковник в отставке, оказался рукастым мужиком, с деньгами, по-крестьянски прижимистым. Он сказал жене:

– Или я, или девки. Кормить их не собираюсь.

Бабушка запихнула нехитрые вещи внучек в рюкзаки и отправила их к матери.

В Москве у сестричек началась другая жизнь. Кошмарная. Одноклассники во весь голос смеялись над, как они говорили, «колхозницами». Галя и Таня были хуже всех одеты, учились отвратительно. В сельской школе они получали тройки, а в столичной стали «колышницами», учителя считали, что у девочек нет знаний даже на двойку. Жили они на кухне, в комнате с очередным любовником располагалась мать. Вокруг было множество соблазнов: кино, мороженое, клубы, хотелось красивых платьев, косметики и сумочки!

Однажды поздней весной Галя и Таня сидели на скамейке на детской площадке. Мать завела нового любовника, поэтому велела раньше полуночи домой не приходить. Было тепло, и очень хотелось есть. Обед, который сестры слопали в школьной столовой, был в полдень, а сейчас часы показывали десять вечера.

– Пошли на проспект, – предложила Хухрик, – может, нам кто-нибудь шаурму купит.

– Как же, – пригорюнилась Таня, – держи карман шире.

Но Галя всегда считала, что все вокруг хорошие, добрые, она потащила Мымрика к палатке. Девочки довольно долго топтались у вагончика, но никто из посетителей не спросил у них: «Вы случайно не голодны?»

В конце концов из окна высунулся продавец:

– Эй, хотите пожрать?

– Да, – в один голос ответили голодные Хухрик и Мымрик.

– А бабла нет. Станцуете передо мной и получите шаурму, – заржал мужик, – топлес.

Глава 8

Таня чуть не заплакала от обиды. А Галя заулыбалась, вмиг стянула футболку и начала выделять всякие па, распевая во все горло песню, которую постоянно повторяли по радио.

Вмиг собралась толпа, мужики улюлюкали, хлопали в ладоши, потом на тротуар начали кидать деньги.

– Народ, покупай шаурму! – завопил торговец, когда Галя устала.

Зрители потянулись к вагончику. Девочки быстро собрали монетки и купюры, хотели убежать, но из вагончика вышел продавец.

– Держите, – сказал он, подавая сестрам по пакету. – Все свежее, как для своих сделал. Хотите заработать?

– Конечно! – хором ответили подростки.

– Приходите к семи вечера каждый день, – предложил торговец, – будете плясать. Деньги, которые мужики бросят, делим пополам. Плюс бесплатная жвачка вам. Основная задача – подманить ко мне покупателей.

– Согласны, – улыбнулась Хухрик.

– Супер! – обрадовался мужик. – Я Вася. Приставать к вам не буду. Не трогаю малолеток. Если кто полезет, отгоню.

Хухрик стала исполнять стриптиз. Галя подошла к делу ответственно, купила диск с эротическими танцами у шеста, скопировала движения. Правда, палки, чтобы вокруг крутиться, у нее сначала не было. Но потом Вася вкопал сбоку вагончика трубу, и дело пошло веселее. В конце мая девочки забросили школу, они целиком отдались своему бизнесу. Раздевалась и выплясывала Хухрик, стеснительная Мымрик оказалась совершенно не способной к такому занятию. Зато она бойко зазывала народ за шаурмой, собирала деньги, устраивала конкурсы, показывала фокусы. Лето, сентябрь и даже октябрь пролетели незаметно. В ноябре похолодало. Хухрик держалась самоотверженно, синяя на глазах. Но потом настал день, когда она не смогла раздеться, ее трясло на морозе.

Девочки невероятно расстроились.

– Не хнычьте, – велел Вася, – я арендовал помещение. Кафе у меня теперь.

Через год в маленький трактир заглянул какой-то мужчина, полюбовался на Хухрика и предложил ей работу стриптизерши в своем клубе, Мымрика он пригласил официанткой.

Спустя несколько лет девушек было не узнать. В них не осталось и следа от провинциалок. Они сняли квартиру, уехали от матери, которая бурно обрадовалась избавлению от дочек. Таня перестала бегать с подносом, стала управляющей кафе, потом ресторана. Хухрик более не вертелась у шеста. Она ушла в агентство, которое оказывало эскортные услуги, быстро выбилась там в звезды. У нее образовался круг очень богатых клиентов, с некоторыми из них она оставалась на ночь. Галя сняла себе отдельную роскошно обставленную квартиру, в том же доме на другом этаже поселилась Таня.

Спустя некоторое время Хухрик сообщила сестре о беременности, объяснила, что ждет девочку от любимого человека, который является ее клиентом. Он состоит в браке, но детей у них нет. Как только Галя родит, любовник разведется и женится на ней. Имени кавалера Хухрик не назвала. Несмотря на свою профессию, Галочка оставалась очень наивной, открытой, считала всех людей честными. Ее многократно обманывали, но она не уставала повторять: «Человек-то хороший, просто он поступил неправильно. Ну ничего, подумает и поймет: так больше не стоит делать».

Таня не спорила с сестрой, знала – это бесполезно. Галя такая, какая есть. Разозлить Хухрика, научить ее давать сдачи обидчикам, огрызаться, отстаивать свои интересы невозможно.

Галю надо оберегать и самой вести финансовые дела, потому что Хухрик дает в долг каждому, кто попросит. Сами понимаете, никто взятое не возвращал.

Галя стала приносить заработанное сестре, девушки вместе ждали девочку, придумали ей имя Светлана, потому что она станет их светом в окошке. Сестры росли без матери, а когда наконец оказались рядом с ней, вмиг поняли: они ей не нужны. И зачем она родила дочек? Да еще двух? Давным-давно Хухрик и Мымрик поклялись: если у них когда-нибудь появятся детки, они получают безмерную любовь, внимание, заботу и все-все самое наилучшее, что можно купить за деньги.

Когда Галочка произвела на свет младенца, ее любимый исчез. Хухрик стоически перенесла удар судьбы. Она переселилась к Тане, два года занималась только Светой, потом опять ушла в эскортные услуги, вернула себе прежних клиентов. Светочке наняли няню. Таня поднялась по карьерной лестнице, стала управляющей крупным отелем международной сети. Соответственно, вырос оклад. Младшая сестра купила в ипотеку большую пятикомнатную квартиру, сделала ремонт, заказала мебель в Италии. Сестры жили вместе, у каждой было по спальне, Светочка вольготно расположилась в детской, еще были общая гостиная, столовая, кухня, гардеробная, санузел, постирочная, выход на крышу. О большем две некогда нищие малышки и мечтать не могли. И у них была Светочка, солнышко, радость, зацелованная девочка.

Хухрик перешагнула тридцатилетний рубеж. Обычно в этом возрасте девушки уходят из эскорт-услуг, так как они перестают интересовать клиентов. Но Галя неожиданно стала пользоваться еще большим успехом, ее нанимали самые солидные бизнесмены, для работы она снимала апартаменты. И никогда, придя домой, не рассказывала, чем занималась на службе. Таня понятия не имела, с кем и куда ходит сестра, кто спит с ней в одной кровати. Светочке они объяснили: мама балерина, работает с разными певцами на подтанцовке, часто летает на гастроли, поэтому может не появляться дома несколько дней. Хухрику на самом деле приходилось посещать разные города, клиенты часто звали ее за границу. О том, где побывала Галя, Таня узнавала по подаркам. Хухрик всегда привозила из Европы вкусный сыр, из Америки – технику, одежду.

Незадолго до своего исчезновения Галя неожиданно сказала сестре:

– У меня новый клиент по имени Наказид.

Таня рассмеялась.

– Да уж! Кто он по национальности?

Галя пожала плечами:

– Не знаю. По внешности не определишь, он больше похож на славянина. Не кавказец, не еврей, не мусульманин. Волосы темно-русые, а борода темная, глаза то серые, то голубые. Станный.

– Почему? – любопытствовала Таня.

Хухрик нахмурилась:

– Он еще нанял Ларису.

– Двух сразу в сопровождение? – удивилась сестра.

– Да, такое случается, – пояснила Галя, – подчас бизнесмены хотят кому-то приятное сделать или выведать какую-то информацию. Мужчина берет пару девушек, одну представляет как свою спутницу, про вторую говорит:

– Знакомься, Лариса, подруга моей Гали.

Лариса начинает кокетничать, ну оно и понятно. Я не соглашаюсь шпионить, а Лара с радостью, потому что за такую работу полагается двойная оплата. Не подумай дурное, Лариска хорошая, просто ей очень деньги нужны. Мы с Гурковой не согласились сразу ехать на его квартиру, предложили сначала в кафе посидеть. Встретились в маленьком заведении, народу там никого, только мы трое. Наказид стал вопросы задавать, сначала обычные: как мы в эскорт

попали, есть ли у нас образование. Попадают клиенты, которым хочется потрепаться, вот он из таких. Но потом он вдруг поинтересовался:

– Закон нарушали? Воровали? Лгали? Рассказывайте. От вашей честности оплата зависит. Чем больше о себе правды сообщите, тем выше гонорар.

Ларка ему живо что-то напридумывала, а я не люблю врать, честно ответила:

– Никого жизни не лишала, чужого не брала.

Он не поверил:

– Прямо святая!

Я возразила:

– Нет, конечно. Но того, о чем вы спрашиваете, я не совершала. И поступать так не стану.

Наказид сказал:

– Ты просто не готова к разговору. Я подожду.

– Он псих, – сделала вывод Таня. – Лучше с ним дел не иметь.

– Я уже отказалась, – кивнула Хухрик, – а Лариска нет.

– Она большая девочка, – заметила сестра, – способна сама разобраться.

– Верно, – согласилась Галя, – но мне тревожно. Лара собирает деньги на квартиру, хочет побыстрее ее купить.

– Это ее проблема, – подчеркнула Таня, – главное, ты с психом не связывайся.

Хухрик улыбнулась.

– Наказид не шизофреник, просто странный. Вообще-то агентство клиентов тщательно проверяет, с психом работать не станут. А Наказида Ларке ее хороший знакомый порекомендовал.

Через несколько недель Хухрик не пришла ночевать, прислала сообщение: «Уезжаю. Вернусь в пятницу. Не волнуйся. Там связи нет. Телефон не работает. Когда окажусь в зоне доступа, сразу звякну».

Когда в последний рабочий день недели сестра не появилась, Таня не забеспокоилась. Ну, задержалась, бывает. В воскресенье ее охватила тревога, в понедельник она помчалась в агентство, но там сделали удивленные глаза, сказали:

– Галина заболела. Она нам позвонила, предупредила, что до субботы будет лечиться от простуды. В воскресенье вечером может взять заказ. Мы ее никуда не отправляли.

Вот тут Таня испугалась по-настоящему. У нее были ключи от служебной квартиры сестры, она там бывала крайне редко и всегда вместе с Галей. Но сейчас она одна помчалась по адресу и нашла в апартаментах полный порядок. Все лежало, стояло, висело на своих местах. В ванной не хватало кое-какой косметики, в гардеробной не было дорожного чемоданчика на колесах. В секретере лежал загранпаспорт. Таня сначала решила, что Хухрик не улетала за границу. Но потом заметила еще и вторую бордовую книжечку с гербом, и ей стало ясно: сестра никуда не уезжала. В самолет без паспорта и в России не пустят. Значит, Галя в столице или в области.

Таня сделала глоток из чашки.

– Я же правильно рассуждаю?

– Не совсем. Если кто-то оплатил частный рейс, то при вылете у его спутницы могут не проверить удостоверение личности, – сказала я.

– Но ведь самолет где-то сядет, а там есть пограничники, – заспорила Таня.

– Если приземлиться в России, то никакого контроля нет, – объяснила я. – И есть много стран, где боятся потерять очень богатых туристов, которые пользуются услугами частных перевозчиков. Рассуждают так: олигарх привез свою любовницу, не желает ее светить, опасается скандала. Закроем глаза и пропустим, мужчина оставит в нашем государстве большие деньги в магазинах, отеле, ресторанах, с таким не стоит вступать в конфликт.

– Нет! – воскликнула Таня. – Я знаю точно! Хухрик здесь! Под Москвой! Ее Лариска Гуркова подбила! Вот дрянь! Хотя о покойных плохо не говорят, она страшной смертью умерла. Но я очень на нее зла.

– Почему вы решили, что Лариса погибла? – остановила я собеседницу.

Глава 9

Таня встала и направилась к чайнику.

– Я с ее матерью говорила, она ко мне примчалась. Гуркова с ней многим делилась. Анна Семеновна подробно передала беседу с дочкой. Та рассказала, что у нее новый клиент Наказид. Странный слегка, просит о ее плохих поступках рассказывать. Вообще-то он двоих нанимал, но Галя отказалась от работы. Теперь Наказид предлагает Ларе съездить в замечательное место, где ей очень понравится, послушать музыку. Деньги платит большие, если она согласится, то сразу можно квартиру покупать, вносить первый платеж. Но у Лары почему-то на душе было тревожно.

Анна Семеновна спросила дочь:

– У Наказида есть борода?

– Да, – удивилась Лара, – густая, но аккуратная, не лопатой.

– Он одет в черное?

– В темное, – кивнула Лариса, – вещи дорогие, обувь, часы – все не дешевое.

– Он священник, – безапелляционно заявила Анна, – бывший. За какую-то провинность сана лишен. Вот и пристал к вам с вопросами о грехах.

Лара молча слушала мать, она сама в церковь не ходила, а Анна Семеновна мыла полы в храме и много разного о церковной жизни знала.

– Батюшки бывают разные, – говорила тем временем мама, – одни истинно верующие, а другие в семинарию пошли, потому что им нравится, когда люди проповедям внимают, руку им целуют, они тогда себя Христом считают. Первые тихие, добрые, терпеливые, им все рассказать можно, ругать не станут, пожалеют, объяснят, что не так делаешь. А вторые... Скажешь первому: «Выпила в пост кружку молока», он вздохнет и ответит: «Уж удержитесь от молочного, укрепил вас Господь. Но лучше кружку молока в пост выпей, только кровь ближнего не пей». А второй договорить не даст, начнет отчитывать, ругать, если заплачешь, обрадуется. Не надо к таким ходить. Иногда они совсем палку перегибают, тогда прихожане жалуются благочинному². Я уверена, что странный клиент из таких батюшек. Его лишили возможности людей унижать, а ему хочется. Вот и выкаблучивается с вами. Езжай с ним спокойно, он плохого не сделает, только морально потреплет. Да заплатит хорошо. А тебе квартира нужна. Прихвати Галю, вдвоем безопаснее.

– Она не согласится, – расстроилась Лариса.

– Уговори ее, – посоветовала мать.

Судя по тому, что Хухрик уехала не пойми куда в тот же день, что и Лара, последняя сумела найти правильные слова, чтобы подруга отправилась с ней. И вот теперь Анна Семеновна примчалась к Тане с вопросом:

– Вам Галочка не сообщила точный адрес места, куда она направилась? Давно моя доченька отсутствует, не звонит.

– Нет! – зло ответила Мымрик. – Галя дала честное слово, что не станет иметь дела с Наказидом. А вы Ларисе велели мою сестру с собой взять, подвергли ее опасности. Убирайтесь!

Гуркова ушла, Таня побежала в полицию, но у нее не приняли заявление, объяснили: взрослая женщина имеет право распоряжаться собой как пожелает. Таня попыталась объяснить, что сестра обожает дочь, никогда ее надолго не оставит, но никакие аргументы на следователя не действовали.

Прошла неделя, Тане позвонила Анна Семеновна и закричала:

– Только не бросай трубку. Ларису нашли.

² Благочинный – помощник епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе.

– Отлично, – процедила сквозь зубы Татьяна, – рада за вас. Она может подойти к телефону?

– Нет, – прошептала Анна, – моя доченька убита.

Трубка чуть не выпала из руки Тани.

– Как?

– Кошмарно, – зарыдала бедная мать, – ее долго мучили.

– Галя! – обомлела Таня. – С ней что?

– Не знаю, – впала в истерику Гуркова, – у мертвой не спросишь. Покойники молчат.

– Покойники молчат, – в ужасе повторила Таня, понеслась в полицию и снова натолкнулась на полнейшее равнодушие.

В кабинете с табличкой «И. К. Волков» Утятину принял парень в мятом свитере и джинсах. Он выслушал ее и заявил:

– Девушка, я ничего об убийстве Ларисы Гурковой не знаю. Выясните, какое отделение работает по этому делу, и езжайте туда. Если ваша сестра убежала из дома, значит, имела на то причины. Мы не можем каждого взрослого, кто с родней поскандалил, искать.

Таня поняла, что с этим человеком беседовать бесполезно, узнала у Анны Семеновны нужную информацию, полетела в Московскую область в городок Плыново. Там Мымрик нашла толстого дядьку с красным носом и опухшими глазами, он назвался Сергеем Ивановичем Копыловым.

– Еще одна на мою голову, – поморщился он. – Гуркова шлюха. Профессия рисковая. Знаете сколько проституток на трассах погибают? Девку выкинули из машины около Плынова, а мне с этим разбираться.

– Лариса и Галя не торговали своим телом, – возмутилась Таня, – они сопровождали очень богатых людей, а романы заводили только с теми, кто им нравился.

– Ой, расскажите цветы золотые, – махнул рукой дядька, – передо мной выкобениваться нечего. Навидался-наслышался. Всяк по-своему бабло рубит. Не осуждаю твою сестру. Шлюхи тоже нужны. Но они одноразовый товар, часто погибают.

– Найдите Галю, – потребовала Таня.

– Слушай, так не делается, – вздохнул Копылов, – ступай домой, вернется твоя сестра.

– Знаю, с кем уехала Лариса, – заехала с другого конца Таня, – ее в гости позвали.

– Говори, – велел хозяин кабинета.

– Наказид, – выпалила Таня.

– Узбек, что ли? Имя такое?

– Наказид, – повторила Мымрик.

– Фамилия? Где он живет?

– Не знаю, – растерялась Уятинина.

– Кем работает?

– Понятия не имею.

Сергей Иванович горестно вздохнул, схватил мышку и спустя время заявил:

– Нет в Москве мужика Наказида. По факту, может, он и есть. Но по регистрации такой отсутствует. Или он нелегал, или наврал с данными, или приезжий. Во всех случаях его не найти. Все. Конец истории. Если в шлюхи подалась, будь готова, что на дороге жизнь окончишь!

Татьяна не сдалась, она обратилась в детективное агентство. В одном сослались на загруженность, отказались искать Галю. В другом Татьяна увидела парня со слишком честным взором, он потребовал стопроцентную предоплату, обещал успех, гарантировал, что найдет Галю, но его работа очень дорого стоит и займет долгое время. Первым он задал вопрос: «Хватит ли у вас денег на все? А то я начну, а на середине поиск бросить придется».

– Материалы порциями не выдаю, – гундел «Шерлок Холмс», – весь пакет получите только после благополучного завершения поисков, вместе с Галей вам отчет вручу.

Несмотря на то что хитрый парень оказался единственным, кто брался искать старшую сестру, Танюша поняла: сыщик врун. И отказалась от его услуг.

– Почему вы поехали в санаторий? – спросила я.

– Начала опять искать кого-нибудь, способного найти Галю, и вдруг получила сообщение, – пояснила Таня, садясь за стол и взяв трубку. – «ПерИвидите двадцать тысяч на крИдитку «ОМОбанка». Расскажу, где Хухря».

– Можно посмотреть? – попросила я.

Татьяна протянула мне айфон. Я быстро переслала себе эсэмэс.

– Вы отправили деньги?

– Да, – кивнула Таня.

– Странное эсэмэс, – заметила я, – похоже на мошенничество.

Татьяна встала и опять пошла к чайнику.

– На первый взгляд да. А на второй... Об исчезновении Гали, никто, кроме матери Ларисы, не знал. Задуманных подруг у меня нет, о том, что у нас в семье происходит, я никому не сообщаю. Светочке я сказала: мама в длительной командировке, вернется с подарками. У себя на работе ни с кем близкие отношения не поддерживаю. Я второй человек после владельца отеля, со мной все хотят на короткой ноге быть, но дружба с подчиненным всегда плохо заканчивается, поэтому я держу дистанцию. Теоретически можно представить, что некий субъект случайно услышал об исчезновении Гали и решил погреть руки. Но сумма-то смешная. Двадцать тысяч! И слово «Хухря». Прозвище сестры Хухрик. Но об этом имени никто, кроме нас, а теперь вот и вас, не знает. Хухря похоже на Хухрик. Я отправила деньги. Прилетело послание: «Московская область. СоНОторий Теремок. ЗоАпарк. Изба. КОтакомбы. Хухря там».

– Вижу, вы пытались получить от человека еще какие-то сведения, писали: «Кто вы?», «Как вас зовут?», «Откуда знаете про мою сестру?» Но ответа не последовало, – заметила я.

– Я еще звонила, – объяснила Таня, – но этот номер не обслуживается.

– Карточку проверяли? На кого она открыта?

– Нет, – вздохнула собеседница. – Как мне это сделать? Банк сведения о клиентах тщательно хранит. Нашла в поисковике санаторий «Теремок», узнала, что там есть зверинец, посетителей катают на лошадках, во время прогулки предлагают выпить в русской избе чай из самовара. Взяла Светочку и поехала. На самом деле все было без обмана, как на сайте у них обещано, и здравница есть, и животные, и дом. Я купила прогулку на санях. По дороге с кучером поболтала, он объяснил, что в избешке два этажа, на первом всего одно жилое помещение, там гостей встречают, еще кухня и туалет. Выше он сам с женой и ее матерью в двух комнатах располагаются. Вход в катакомбы на первом этаже точно.

– Поэтому вы пол ощупывали, – сказала я.

Таня шмыгнула носом.

– Да!

Мне стало до слез жаль ее.

– Танюша, если, как утверждает автор анонимки, Галю спрятали в каких-то катакомбах, а вход в них находится в избе смотрителя зоопарка, то это весьма странно.

– Почему? – всхлипнула моя собеседница.

Глава 10

Я отпила остывший чай.

– У Алексея и Вероники постоянно вертятся люди, в обязанность пары входит угощать гостей чаем. Неразумно держать под полом комнаты, где вечно крутятся посторонние, пленницу. Вдруг она начнет буяннить, кричать?

– Бедную Галочку связали, рот ей заткнули, – прошептала Таня, – она не может шевелиться, говорить.

– И как тогда она сообщила анониму свое место пребывания? – вздохнула я. – Записка странная. Мне кажется, ее написал подросток лет двенадцати-четырнадцати. Он воспитывается либо в очень строгой, либо в малоимущей семье.

– Почему вы так решили? – удивилась Таня.

– Сумма двадцать тысяч рублей подростку, которому не дают наличных, кажется очень большой, – пояснила я, – но для взрослого вымогателя она смешная. Те всегда требуют миллионы. Кроме того, в тексте много орфографических ошибок.

– Сейчас полно безграмотных, – возразила Таня, – или человек специально «соноторий», «котакомбы» написал, чтобы я про подростка подумала.

– Вы правы, возможно, это хитрость, – согласилась я, – но сумма... Мальчишка мечтает о какой-то вещи, она стоит двадцатку. Как-то так. И там указан номер карты. Минуточку.

Я вынула телефон, написала сообщение и набрала номер Филиппа, нашего нового начальника отдела компьютерного поиска, которого Макс воспитал в своем коллективе. Фил пару лет назад пришел в агентство простым сотрудником и быстро сделал карьеру.

– Привет, – весело сказал парень, – супер, что звякнула. Ваня! Это Романова, с тебя ланч. Заказываю двойную порцию эскалопа.

– Любой женщине крайне приятно знать, что, услышав ее нежный голосок из трубки, мужчина вспоминает про свинину, – сказала я. – Простая такая причинно-следственная связь: раз Лампа на проводе, значит, пора лопать жирное мясо. Интересно, почему возникла такая ассоциация? Я что, похожа на хряка?

– Вечно бабы любые слова с ног на голову переворачивают, – загудел Филипп. – Мы с Ванькой поспорили, сколько времени ты, Лампудель, проведешь в санатории, не вляпавшись в какую-нибудь историю. Гаврилов говорил, что неделю, а я уверял: не более трех дней. И выиграл обед.

– Может, проиграл? – возразила я. – Вдруг я хочу спросить... э... э...

– Что? – засмеялся Филипп. – Не старайся соврать. Вещай правду!

– Я отправила тебе на ватсап номер кредитки. Нужно выяснить имя владельца и его адрес.

– Как не фиг делать, – заверил наш главный спец по гаджетам. – Слушай, читаю твое сообщение, там еще просьба выяснить все про Ларису Гуркову, порыться в биографии Галины Утятиной.

– Да. Потом перезвоню.

– Понял, не дурак, рядом с тобой люди, – сообразил Филя, – кредитка... кредитка... могу прямо сейчас о ней сказать. Пластик выдан на имя Полковниковой Антонины Семеновны сорока трех лет. Живет в городке Польшино Московской области, работает учительницей в местной школе. Адрес и телефон отправлю.

– Спасибо, – обрадовалась я. – А где Польшино находится?

– Неподалеку от санатория, в котором ты сейчас кайфуешь, – уточнил Филипп, – по шоссе до населенного пункта пятнадцать километров. Дорога делает большой крюк, потому что там заповедник, его нельзя вырубать, асфальт укладывали в обход. А если идти пехом из Польшино до «Теремка» или на велике, то всего два километра, поедешь тропинкой по прямой.

- Ты по карте смотришь? – обрадовалась я.
- А что? – полюбопытствовал парень.
- На небольшом расстоянии от городка есть катакомбы?
- Филипп хмыкнул:
- Не отмечено. Там лес. Погоди... Есть зоопарк, контактный.
- Глянь, пожалуйста, у Полковниковой есть дети?
- Секунду. Да. Первый сын Константин в возрасте шестнадцати лет умер от передозировки наркотиков. Через год после смерти мальчика женщина родила второго ребенка, Антона. Ему сейчас тринадцать. С первым мужем она давно в разводе, от кого Антон, не известно. Отцом у него записан дедушка Семен Антонович Полковников.
- Я засунула телефон в карман.
- Танечка, завтра попробую раздобыть кое-какую информацию и расскажу вам, что узнала. Не катайтесь больше в избу. Хорошо?
- Утятинна кивнула.
- Спасибо. Вы из-за меня не посмотрели новую квартиру.
- Ерунда, – отмахнулась я, – в другой раз посмотрю.

* * *

Когда мы с Кисой сели ужинать, к нашему столу подошла симпатичная девушка и спросила:

- Вы Евлампия Андреевна?
- Да, – подтвердила я.
- У Кисы уникальный талант балерины, – заявила незнакомка.
- Я отложила вилку.
- Девочка весьма сообразительна, хорошо читает, пишет, считает, но предрасположенности к хореографии я до сих пор у нее не замечала.
- Вы не профессионал, – улыбнулась незнакомка и взялась за спинку свободного стула.
- Я вспомнила о воспитании:
- Садитесь, пожалуйста. Как вас зовут? Хотите кекса?
- Алена Сергеева, веду танцевальные занятия, – представилась девушка, устраиваясь напротив меня, – простите, после пяти я не ем. Поверьте, ваша девочка гениальна! Я набираю группу одаренных детей, Киса в нее включена. Вот моя визитка.
- Я взяла карточку. «Алена Сергеева, композитор, хореограф, лауреат конкурса «Наши таланты», владелец студии «Танцуют все».
- Наша репетиционная база находится в Москве, – оживленно говорила Алена, – в «Теремок» я приезжаю несколько раз в неделю. Пока вы отдыхаете, можно тут заниматься. Потом милости прошу в студию. Мои дети регулярно участвуют в разных телепрограммах, работают со звездами шоу-бизнеса.
- Простите, у семьи в отношении Кисы другие планы, – возразила я.
- Дети хорошо зарабатывают, – не утихала Сергеева, – все ребята из прекрасных семей. Занятия платные, но они быстро окупаются. Видели рекламу? Танцующие игрушки?
- Редко смотрю телевизор, – смутилась я.
- Синяя собачка, розовая кукла? – спросила Киса.
- Верно, – обрадовалась Алена, – сейчас будем снимать второй ролик, а девочка, которая играла пуделя, уехала с родителями за границу жить. Ты идеально подойдешь на эту роль.
- Киса выронила вилку.
- Меня покажут по телику?
- Конечно, – заверила Алена.

- Во весь рост?
- Обязательно.
- Прямо мое лицо?
- Не чужое же, – засмеялась Сергеева.

Киса схватила меня за плечо:

- Лампа! Пожалуйста! Мне очень хочется!

На мой взгляд, хореограф поступила некрасиво, пообещала малышке минуты славы, не спросила у родителей, как они отнесутся к появлению ребенка на публике. Наверное, на моем лице отразились какие-то не те эмоции, потому что Киса опустила голову.

- Не стану собачкой.

– Конечно, ты получишь роль, – заверила ее Алена, – непременно. Мама очень рада моему предложению. Да?

Я хотела резко сказать «нет», но увидела, что в тарелку, над которой наклонилась Киса, капнула слеза, и выдохнула:

- Хорошо. Когда ей надо приступать к занятиям?
- Завтра утром, но нужно купить все необходимое, – предупредила Алена.

Я глянула на часы.

- Что именно?

Хореограф положила на стол лист бумаги.

- Балетный купальник, юбку, лосины, тапочки, колготки... Там немного.
- Боюсь, сегодня мы не успеем, – ответила я, – уже семь часов вечера.

Сергеева протянула мне новую визитку.

– В Польше круглосуточно работает торговый центр «Фиалка». Второй этаж. Филаретова Зинаида Викторовна, она там будет до полуночи. Прекрасный бутик товаров для хореографии, в него многие из Москвы приезжают. Там найдется все и даже больше.

Киса вскочила:

- Лампа, помчались скорей.
- Подожди, мы еще не доели, – возразила я.

– Мы опоздаем, – заканючила девочка, – ты долго жуешь! А все потому, что спереди поставила красивые импланты, а сзади у тебя дырки.

Алена хихикнула.

- Кто тебе сказал, что у меня нет зубов? – обомлела я.

– Юлия, воспитатель, – охотно объяснила девочка, – когда мы в центр шли, она проворчала: «Твоя мама должна была как следует укунить Валентину Марковну. А она совсем беззубая, даже по известному адресу ее не послала». Но у тебя впереди красивые такие коронки. Вот я и подумала: значит, задних зубов у Лампуши нет.

- Логичное рассуждение, – согласилась я, – но ошибочное. Все у меня на месте.

Глава 11

– Очень, очень, очень рада, – засуетилась полная блондинка, увидев, что в дверь входят покупательницы, – прекрасно! Очаровательно! Кто из вас балерина?

– Я! – гордо ответила Киса.

Дама картинно схватилась за голову.

– И почему я спросила? За версту видно, что эта красавица танцовщица. Чем могу служить? Кофе, чай?

– Спасибо, лучше сразу перейдем к покупкам, – попросила я.

– Конечно, – кивнула Зинаида Викторовна, нагнулась под прилавок, вскоре выпрямилась и протянула Кисе здоровенную шоколадку. – Сюрприиз! Конфета «Прыг-скок». Очень вкусная. Ешь скорей.

Киса взяла угощение и начала его разворачивать. Я живо отняла у нее подарок.

– Не отравлено, – надулась продавщица.

Я решила пропустить ее замечание мимо ушей.

– Меня угостили, а ты забрала, – возмутилась Киса.

– Балерины держат диету. Давай купим все необходимое, – предложила я. – Покажите нам купальник для танцев.

– Очевидно, вы имели в виду форму для репетиций, – процедила сквозь зубы Зинаида и выложила на прилавок несколько изделий.

Я потрогала черную ткань.

– Где примерочная?

– Справа, – буркнула Филаретова, вытащила из-под прилавка новую шоколадку, развернула ее и откусила почти половину.

– Справишься сама? – спросила я.

– Не маленькая! – гордо воскликнула Киса и убежала, я села на стул и стала ждать появления малышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.